

УДК 82-144

**«СТРАННАЯ ИСТОРИЯ ДОКТОРА ДЖЕКИЛА И МИСТЕРА ХАЙДА»:
ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ДУША КАК АРЕНА БОРЬБЫ ДОБРА И ЗЛА**

Исмаилова Елена Павловна

магистр филологии, учитель русского языка и литературы

МОУ «Гимназия №29», г. Саранск

Аннотация. Статья посвящена анализу мотива раздвоения личности главного героя повести «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда». Автор выявляет не совсем традиционное раздвоение личности (шизофрению) у главного героя, которое помогает иначе трактовать повесть Стивенсона. Мы приходим к выводу, что Стивенсон уделяет больше времени в своей повести философии и проблеме морали. Он рассуждает о том, что каждый человек в принципе двойственен по своей природе.

Ключевые слова: Р. Л. Стивенсон, биография, повесть, Странная история доктора Джекила и мистера Хайда, мотив раздвоение личности, доктор Джекил, двойственность человека, зло и добро.

Стивенсон заслуженно считается одним из лучших английских стилистов. Как бы ни сближали его некоторые последователи со стилем Эдгара По, это основательно только в отношении таких вещей По, как «Золотой жук» или «Преступление на улице Морг». Стилю Стивенсона не свойственны декадентская пряность, гнилостность и зыбкость формы. Все у него четко, словно продутو свежим морским ветром, как будто выгравировано резцом, «сталью по камню». Он годами выработывал четкость и сжатость. «В любом повествовании есть лишь один способ быть искусным - это быть точным», - говорит он. И в другом месте: «Если в двух фразах выражено то, что может быть столь же ясно, убедительно и сильно сказано в одной, - то это работа дилетанта».

Стивенсон сознавал сложность и противоречивость человека, видел это и в себе и в других. «Я по природе плохой человек, - писал он в одном из писем, - для того, чтобы быть лучшим, мне необходимо немножко страдания».

Он знал и высоко ценил Достоевского. «Раскольников»- это лучшая из книг, прочитанных мною за последние десять лет», - пишет он в год создания «Доктора Джекила и мистера Хайда».

Кроме «Преступления и наказания!» Стивенсон читал «Униженных и оскорбленных», знал, вероятно, и другие романы Достоевского, ведь разговор Ивана Карамазова с чертом - это лучший анализ именно того состояния раздвоенности, которое стало темой наиболее значительного произведения этического цикла – «Странной истории доктора Джекила и мистера

Хайда» ("The Strange Case of Dr. Jekyll and Mr. Hyde", 1886). Стивенсон создает в этой книге жуткий символ духовного загнивания и распада личности, скрытого лицемерной респектабельной буржуазной моралью. Впервые эта тема была затронута Стивенсоном в «Сокровище Франшара» почти в идиллических тонах: там в проповеднике умеренности живет расточитель. Однако первое же испытание исправляет его. Теперь Стивенсон показывает, как в добродетельном Джекиле живет и с помощью некоего чудесного снадобья выделяется вторая его сущность - сгусток всего злого - мистер Хайд. С течением времени привычка зла берет верх, превращение Джекиля в Хайда начинает совершаться автоматически, и, чтобы не остаться навсегда Хайдом, Джекиль вынужден убить себя. Дело не только в раздвоении человека, но, и это гораздо страшнее, в том, что обе его ипостаси соединены неразрывно, что, убивая Хайда, Джекиль убивает себя. Пессимистический, безнадежный вывод звучит грозным предостережением, а положительный итог книги - это попытка развенчать циничную, омерзительную, разнузданную силу зла.

Тема Хайда имела свою давнюю традицию: ближайший предшественник повести Стивенсона - это «Вильям Вильсон» Эдгара По, ближайший преемник - это «Портрет Дориана Грея» Уайльда. Однако обе эти вещи гораздо меньше затрагивают этическую проблему, волнующую Стивенсона. В них главное не борьба человека с собою, а красочная картина его деградации.

Дикон Броуди, главный персонаж одноименной пьесы, оказавшейся несостоятельной и как произведение искусства, и как средство заработать деньги (сейчас ее просто невозможно читать), был реальной фигурой, еще в детстве поразившей воображение Роберта Луиса: днем – столяр-краснодеревщик, респектабельный житель Эдинбурга, ночью – вор-взломщик. Легенда о нем пришлась по сердцу «романтику» Стивенсону, добившемуся самого большого успеха у читателей своей притчей о Джекиле и Хайде. Быть может, в личности самого Стивенсона таилось нечто двойственное? Это, конечно, объяснило бы интерес Роберта Луиса к подобной теме, не остывший до конца его дней.

Это произведение принесло Стивенсону колоссальный литературный успех, особенно в Соединенных Штатах. У нее необычный и страшный сюжет; он подсказан Стивенсону во сне пресловутыми «человечками», разыгравшими перед ним очередной спектакль, который Фэнни, к неудовольствию мужа, преждевременно его разбудив, помешала досмотреть. В повести почти нет того, что зовется стилем, поэтому среднему читателю не мешают литературные красоты.

Помимо всего прочего, драма «добра» и «зла» в человеческой душе преподносится здесь в знакомых всем англичанам терминах церковного красноречия. «Доктор Джекил», несомненно, относится к разряду повестей «ужасов» и кое-чем обязан По и, пожалуй, немного Диккенсу. Но по сути своей он оригинален и благодаря силе драматического воздействия пользуется широкой

популярностью.

По свидетельству Ллойда Осборна, черновой вариант повести, состоящий из двадцати пяти тысяч слов (по раздутым подсчетам Фэнни, в черновике их было шестьдесят тысяч), был написан за три дня. Фэнни Стивенсон подвергла критике этот вариант, в котором (как говорят) Джекил с самого начала – дурной человек, вроде Дикона Броуди, и превращение в Хайда имело «одну цель – маскировку». Фэнни якобы указывала Роберту Луису на то, что у него вышла очередная история с преступлением вроде «Маркхейма» (написанного в 1884 году), а ему следует писать аллгорию о «добре» и «зле». Это был превосходный совет, хотя любому писателю, только что произведшему на свет, – как он скромно надеется, – новый шедевр, такой совет вряд ли пришелся бы по вкусу. То ли с досады, то ли желая избежать влияния первоначального варианта, Стивенсон его сжег и написал всю историю заново в том виде, в каком мы ее теперь знаем. И опять-таки рассказывают, будто он сделал это за три дня. Даже для здорового человека, находящегося в хорошей форме и не занятого ничем другим, три дня подряд писать ежедневно по пять тысяч слов – тяжкий труд. Восемь тысяч слов в день для хронического больного – пусть это и Стивенсон с его энергией, мужеством и плодовитостью – явная небывлица. Чтобы просто записать на бумаге всю историю, потребовалось бы от восьми до десяти часов в день, а Стивенсон, который в то время только-только оправился от горлового кровотечения работал тогда по два часа. Сам Стивенсон считает, что у него ушло на «Доктора Джекила» около десяти недель!

И все же, даже если мы справедливо подозреваем, что Ллойд и Фэнни решили подбавить масла в и без того вкусную кашу, «Доктор Джекил», бесспорно, был написан очень быстро, на одном дыхании. Это помогает понять, почему он читается с таким интересом, почему так захватывает от первой до последней страницы. Слова: «ни одной скучной строчки» и «я не мог закрыть книгу, пока не дочитал до конца» – полностью оправданы здесь, а если порой и встречаются погрешности стиля, их просто не замечаешь.

Многие упреки по адресу этой истории кажутся необоснованными. Так, выражают недовольство тем, что Джекил по-своему столь же дурен, как Хайд, если не хуже. Без сомнения, это так с точки зрения скептика-интеллектуала XX века, но для современников Стивенсона преуспевающий, модный, купающийся в роскоши щеголеватый доктор являлся воплощением идеала. Выдвигают также возражение, что снадобье, благодаря которому происходила физическая трансформация Джекила в Хайда и обратно, с научной точки зрения невозможно. Конечно, нет. Но точно так же, как в большинстве приключенческих произведений Стивенсона, включая «Остров сокровищ», читатель должен принимать на веру неправдоподобные и просто нелепые факты, нужные автору для динамики действия, так в его фантастических повестях мы должны принимать на веру невозможные, казалось бы, причины удивительных результатов. К

тому же снадобье приснилось Стивенсону, и он правильно сделал, приняв этот дар призрачных «человечков». Мало того, если мы ищем в «Докторе Джекиле» дополнительную мораль, то ее легко можно найти в конечном бессилии этого снадобья, символизирующем бессилие науки решить судьбу человека или облегчить его участь. Однако существуют не столь важные претензии к повести, которые являются более обоснованными.

Пожалуй, более убедительное возражение выдвигает Арчер, критикующий Стивенсона в своей статье за то, что тот избегает зла, вернее, за его ограниченное представление о том, что собой представляет зло. Нам фактически не показаны дурные дела Хайда, лишь говорится, что он является воплощением сатанинской злобы, и в качестве примеров приводятся эпизод с упавшей девочкой, на которую наступил Хайд, и убийство сэра Дэнверса Кэрю. Эти поступки, несомненно ужасные сами по себе, все же направлены против отдельных лиц, а не общества. Предположим, к примеру, что в своей дьявольской злобе Хайд использовал бы медицинские познания Джекила и заразил холерой питьевую воду, которой снабжался Лондон. Это было бы преступлением грандиозного масштаба; да еще можно было бы прибавить великолепный сатирический штрих, устроив Джекилу овацию в газетах и пожаловав ему титул за спасение жертв холеры. Или Стивенсон мог приблизить образ Хайда к образу Дикона Броуди, сделав его главарем шайки взломщиков с Уэст-Энда, благо доктор Джекил *был* вхож в дома богатых, пациентов. При изобретательности Стивенсона и его фантазии трудно предугадать, куда бы он зашел, если бы избрал такой путь, но, совершенно очевидно, писатель хотел показать пороки Хайда и добродетели Джекила как личные свойства, долженствующие иметь символическое значение. Всякое осложнение сюжета раздуло бы и перегрузило компактную, динамичную повесть, которую задумал Стивенсон и которую так мастерски написал.

Есть и еще несколько мелких неувязок. Расследование убийства сэра Дэнверса обязательно должно было связать Хайда с Джекилом, и доктору пришлось бы отвечать на некоторые довольно затруднительные вопросы. Саймондс, упрекнув Луиса в излишней жестокости, посоветовал, чтобы Джекил передал Хайда в руки полиции; но это привело бы к невероятной юридической путанице, если бы у Хайда осталось при себе достаточно снадобья и во время суда он превратился бы снова в Джекила. Бессмысленно было также Джекилу уничтожать чековую книжку Хайда... Стивенсон забыл, что еще раньше Хайд написал чек, подписав его именем Джекила. И, конечно, дьявольски злобному Хайду не следовало так кротко кончать самоубийством. Он обязательно должен был иметь при себе оружие и застрелить сперва Аттерсона и Пула. Он даже мог выбежать наружу и вдобавок отправить на тот свет полисмена, а уж затем лишить себя жизни.

Ответ на все подобные возражения один – повесть достигла цели: она захватила читателя. Грэхем Бэлфур говорит, что за первые полгода в Англии было продано сорок тысяч

экземпляров, а в Америке – по его же подсчетам – четверть миллиона, если, помимо авторизованных, считать бесчисленные «пиратские» издания. Мало того, произведение это оказало явное влияние на таких различных молодых авторов, как Конан-Дойл (в рассказах о Шерлоке Холмсе). Конан-Дойл, может быть, более эффектно сумел бы управиться с некоторыми сюжетами «Новых сказок Шехеразады», однако именно у Стивенсона он заимствовал ту «атмосферу» туманного Лондона, которая составляет неотъемлемую часть настоящей шерлок-холмсовской мелодрамы. Спору нет, сам этот туман, возможно, ведет свое происхождение от диккенсовского «Холодного дома», недаром мистер Аттерсон кажется нам вялой и добродушной копией мистера Талкинхорна, но ни Диккенсу, ни Конан-Дойлу не удалось превзойти Стивенсона в создании «атмосферы».

«Было уже около девяти часов утра, и город окутывал первый осенний туман. Небо было скрыто непроницаемым, шоколадного цвета пологом, но ветер гнал и кружил эти колышущиеся пары, и, пока кеб медленно полз по улицам, перед глазами мистера Аттерсона проходили бесчисленные степени и оттенки сумерек: то вокруг смыкалась мгла уходящего вечера, то ее пронизывало густое рыжее сияние, словно жуткий отблеск странного пожара, то туман на мгновение рассеивался совсем, и меж свивающихся прядей успевал проскользнуть чахлый солнечный луч. И в этом переменчивом освещении унылый район Сохо с его грязными мостовыми, оборванными прохожими и горящими фонарями, которые то ли еще не были погашены, то ли были зажжены вновь при столь неурочном и тягостном вторжении тьмы, – этот район, как казалось мистеру Аттерсону, мог принадлежать только городу, привидевшемуся в кошмаре».

«Джекиль» имел неслыханный успех. В два месяца разошлось 40 тысяч экземпляров. Одним из любопытных свидетельств популярности был следующий случай. Через год после выхода в свет «Джекиля» из двух лоцманов, встречавших в Нью-Йорке корабль, на котором Стивенсон прибыл в Америку, один, сварливый, имел кличку Хайда, а другой, покладистый, – Джекиля, и имена эти вскоре вошли в словарь как нарицательные. Отточенная, по-новому лаконичная манера Стивенсона оказала влияние на выработку новеллистического мастерства Киплинга, а затем и некоторых американских писателей XX века.

Список литературы:

1. Олдингтон Р. Стивенсон: Портрет бунтаря. – М.: Книга, 1985. – 271 с.
2. Кашкин И.А. Для читателя-современника: Статьи и исследования. – М.: Сов. писатель, 1977. – 562 с.